

Л. А. Ульяницкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

ОСОБЕННОСТИ БРЮССЕЛЬСКОГО ВАРИАНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются основные этапы развития языковой ситуации в Брюссельском столичном регионе в разрезе исторических и социокультурных явлений. Цель исследования — иллюстрация влияния нидерландского языка на бельгийские варианты французского. Решаемые задачи — обоснование правомочности разделения бельгийских вариантов французского языка на брюссельский и валлонский варианты, а также уточнение вопроса о признании марольского языка смешанным франко-нидерландским кодом. Выявлено, что разделение бельгийского варианта французского языка на брюссельский и валлонский носит в большей степени исторический характер и в настоящее время затруднено. Современный нидерландский язык, наряду с английским и арабским, влияет на бельгийские варианты французского по всей стране, однако, учитывая столичный статус Брюсселя, а также окруженность его фламандской территорией, можно предположить, что это влияние особо заметно в Брюссельском столичном регионе. Элементы марольского языка используются в основном в качестве самобытных лингвокультурных включений в нидерландский и французский языки столицы. Итогом настоящего исследования является вывод о том, что брюссельский французский сохраняет особенности, весьма отличающие его от французского языка Валлонии. С одной стороны, переход на общефранцузскую норму стирает грани между двумя вариантами, с другой стороны, фламандская предыстория Брюссельского столичного региона внедряет во французский язык этого анклава множество нидерландских элементов. Научная новизна работы состоит в том, что практически впервые учитывается влияние марольского языка на становление брюссельского варианта французского, а также раскрывается специфика функционирования этого варианта в условиях многоязычия, характерного для современного Брюсселя.

Ключевые слова: Брюссель, нидерландский язык, французский язык, марольский язык, языковое смешение, социолингвистика.

Liubov A. Ulianitckaia

St. Petersburg Electrotechnical University

THE PECULIARITIES OF THE FRENCH SPOKEN IN BRUSSELS

The article discusses the main stages in the development of the language situation in the Brussels — Capital Region in the context of historical and socio-cultural phenomena. The purpose of the study is to illustrate the influence of the Dutch language on the Belgian varieties of French. The tasks to be solved are the substantiation of the legitimacy of the division of the Belgian variants of the French language into Brussels and Walloon variants, as well as the clarification of the issue of recognizing the Marolian as a mixed Franco-Dutch language. As a result of the study, it was revealed that the division of the

Belgian version of the French language into Brussels and Walloon is, to a greater extent, of a historical nature and is currently difficult. Modern Dutch, along with English and Arabic, influences Belgian French throughout the country, however, given Brussels' metropolitan status, as well as being surrounded by Flemish territory, it can be assumed that this influence is especially noticeable in the Brussels-Capital Region. Elements of the Marolian language are used mainly as original linguocultural inclusions in the Dutch and French languages of the capital. The result of this study of the features of the French spoken in Brussels is the conclusion that this variant retains features that are very different from Walloon French. On the one hand, the transition to a common French norm blurs the lines between these two options, on the other hand, the Flemish prehistory of the Brussels-Capital Region introduces many Dutch elements into the French language of this enclave. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time it takes into account the influence of the Marolian language on the formation of the Brussels version of French, and also reveals the specifics of the functioning of this version in the conditions of multilingualism, characteristic of modern Brussels.

Keywords: Brussels, Dutch, French, Marols, language mixing, sociolinguistics.

В свете обсуждения вопросов нидерландистики интересно обратиться к языковой ситуации в Бельгии. Широко известна уникальность языковой палитры государства, в котором сосуществуют три официальных языка, а также множество диалектов и региональных языков. Время от времени на языковой почве между Фландрией и Валлонией возникают конфликты, касающиеся преимущественно границ употребления нидерландского и французского языков. Но в Бельгии находится особый регион, в котором два языка объединяются. В этом регионе, официально называемом «Брюссельский столичный регион», развился весьма специфический вариант французского языка.

Брюссельский столичный регион окружен фламандской территорией, ближайшие границы которой обозначены в наши дни как *De Vlaamse Rand*, и его «офранцузивание» проходило в плотном контакте с южнобрабантским диалектом нидерландского языка при обогащении множеством германских элементов. Большое число заимствований из нидерландских языковых вариантов Фландрии обнаруживается не только во французском языке Валлонии и Брюсселя, но и в автохтонных романских языках Валлонии, прежде всего валлонском и пикардском.

Например, *amigo* 'полицейский участок' и *brul* 'барахло, мусор' — от таких же форм в бельгийском нидерландском; *blinquer* 'блестеть' — от общенидерландского *blinken*; *cloppe* 'страх' — от общенидерландского *klop* 'удар, стук сердца'; *clopper* 'соглашаться, сходиться' — от общенидерландского *kloppen* 'схлопываться'; *crolle* 'локон' — от общенидерландского *krul*; *dracher* 'лить как из ведра' — от бельгийско-нидерландской формы *draschen* — можно обнаружить как в списках слов, характеризующих французский язык Брюсселя, так и в глоссариях, имеющих отношение исключительно к Валлонии [Droixhe, 1981].

Свой франкофонный характер Брюссель приобрел в результате продолжительного процесса, берущего начало в Средние века. В то время французский язык Парижа использовался довольно ограниченно и только после начала

Наполеоновских войн, в конце XVIII в. (особенно после образования независимого Королевства Бельгия, столицей которого стал Брюссель), французский язык получил широчайшее распространение [Droixhe, 1981].

После обретения независимости считалось, что именно французский язык обеспечит обществу развитие культуры, успех в экономике и политике. В первые годы Брюссель сохранял в основном южнобрабантский диалект, исконный языковой вариант столицы. Франкофоны были по-прежнему в меньшинстве. Несмотря на это, первый мэр столицы нового государства Николя-Жан Рупп провозгласил французский язык единственным языком городского управления. Брюссель стал политическим центром страны, привлекал экономическую и культурную элиту, и вскоре франкоязычие охватило не только высшие, но и средние классы. В 1846 г. уже 30 % жителей города объявили себя франкоговорящими, в то время как в Генте доля таковых составляла 5 %, а в Антверпене — 2 %. Многие буржуа-франкофоны были в действительности этническими фламандцами. В самой Фландрии в 1860 г. 95 % жителей говорили на своих диалектах, но знание французского языка начинало осознаваться как насущная необходимость.

Быстрый рост города ускорил франсификацию. Административные учреждения и коммерческие предприятия предлагали множество выгодных должностей для франкоговорящих, и в течение первых десяти лет после 1830 г. столичными жителями стали многочисленные выходцы из Валлонии, не говоря уже о беженцах из Франции, которые перебирались в Бельгию по политическим мотивам. Начиная с 1840 г. большинство эмигрантов были выходцами из фламандской сельской местности, но они, в отличие от все еще значительного валлонского притока, принадлежали в основном к низшим социальным классам. Среди валлонов и французов, напротив, было много представителей буржуазии, довольно часто приезжавшие имели хорошее образование и могли оказать существенное влияние на экономическую, культурную и политико-идеологическую жизнь города. По существу, из-за валлонского присутствия в Брюсселе можно было ожидать конкуренцию валлонского и французского языков (на фоне местного южнобрабантского диалекта), однако столица пошла по пути франсификации [Treffers-Daller, 1994].

В Брюсселе стала развиваться диглоссия; местный южнобрабантский диалект употреблялся преимущественно для общения с семьей, друзьями и знакомыми, про которых было известно, что они им владеют. Горожане-фламандцы постепенно становились двуязычными, хотя качество их французского языка было весьма невысоким.

Отметим, что французский язык воплотил собой идею и культурного единства Бельгии, на нем создавали художественные произведения как валлоны, так и фламандцы. Фламандские писатели, перешедшие на французский язык, оказывались иногда в положении франскильонов — этнических жителей Фландрии, предпочитавших быть франкофонами из конъюнктурных соображений. Следует отметить, что активная галлизация Брюсселя, происходившая с 1830 по 1850 г., обязана своим успехом и большому числу франскильонов,

переселявшихся в столицу. Издавалось множество франкоязычных произведений, воспевающих молодое государство. В театре становились популярны исторические драмы и комедии нравов. При этом число франкоязычных сценических площадок росло, только в Брюсселе их появилось около трех сотен. Самые крупные из них — Théâtre royal des Galeries (Театре роуал дес Галериес, 1847), Théâtre Molière (Театре Молиере, 1867), Théâtre du Vaudeville (Театре ду Ваудевилле, 1872).

В 1914 г., когда было введено всеобщее образование, в самом Брюсселе не было ни одного фламандского класса. В соседних муниципалитетах в 1916 г. франкоязычных классов было в четыре раза больше, чем нидерландоязычных, хотя франкофоны составляли менее трети населения. Языки приезжих из Валлонии вовсе не изучались и вытеснялись французским. Да и в типичной фламандской семье того времени бабушки и дедушки говорили по-нидерландски, родители владели двумя языками, а дети становились франкоязычными [Treffers-Daller, 1994].

Как уже отмечалось, многие этнические фламандцы — жители не только Брюсселя, но и всей Фландрии — по собственной воле или из конъюнктурных соображений отдавали предпочтение французскому языку. Среди известных франскильонов, мастеров художественного слова — Шарль Де Костер (1827–1879), Эмиль Верхарн (1855–1916), Жорж Роденбах (1855–1898), Морис Метерлинк (1862–1949), Макс Эльскамп (1862–1931), Мари Хеверс (1883–1975), Мишель де Гельдерод (1898–1962), Сюзан Лилар (1901–1992), Жак Брель (1929–1978), Франсуаза Малле-Жорис (1930–2016), Лилиан Вутер (1930–2016) и многие другие. Культурный перекося страны в сторону франкофонного мира был весьма заметным.

Было бы крайне интересно установить, к какому варианту французского языка прибегали этнические фламандцы. Вероятно, в самой Фландрии наибольшее распространение получала общефранцузская норма, а в Брюсселе эта норма смешивалась с автохтонными языками приезжих из Валлонии, а равно и с валлонским вариантом французского языка.

Разумеется, в наши дни и Брюссель, и Валлонский регион все более объединяются общефранцузской нормой, в письменной форме различия минимальны. Столица, будучи главным языковым центром страны, распространяет по всей Бельгии свой вариант. Во Фландрии в последнее время развивается промежуточный язык *tussentaal*, представляющий идиом, вобравший в себя черты фламандских диалектов и бельгийского нидерландского. Можно, пожалуй, предположить, что таким промежуточным языком для франкофонов Бельгии мог бы выступить брюссельский французский, объединяющий бельгийский французский и общефранцузскую норму.

Брюссельскому французскому посвящено множество публикаций, и его влияние обнаруживается в художественной литературе, драматургии и юмористических произведениях. Комический жанр в Брюсселе называется *zwanze* 'шутка' [Lebous, 2000]. В этом жанре работали, например, Леон Краббе (1891–1970),

более известный под псевдонимом Виржилль, и Жан д'Оста (1909–1993), авторы скетчей, пародий и юмористических сценок [D'Osta, 1984].

Вместе с тем точная идентификация языкового варианта, который мог бы быть причислен к брюссельскому французскому, затруднена. И в пьесах, и в скетчах, и в художественной литературе мы имеем дело в основном со смесью французского с марольским, что вызывает эффект то искаженного французского, то искаженного нидерландского.

Марольский, в свою очередь, представляет собой исконный южнобрабантский диалект столицы, первоначально подвергшийся сильному воздействию валлонского и в меньшей степени испанского языков, а затем и французского. В конечном счете он превратился в смешанный франконидерландский язык с большим количеством нецензурных и ненормативных выражений. Интересно отметить, что брюссельский французский ассоциируют иногда с французским языком валлонских рабочих, проживавших в коммуне Мароль, и говорят даже о существовании марольского французского. Брюссельский рабочий класс и сегодня можно встретить в этом районе столицы, однако носителей марольского языка (брабантского), марольского французского или же совсем смешанного кода практически не осталось.

Даже в Théâtre Royal de Тоопе, в котором пьесы ставились на всех брюссельских вариантах, современные постановки идут на французском языке с интегрированием в его морфосинтаксическую матрицу фламандских элементов, прежде всего фонетических и лексических.

Этот смешанный код встречается и в других произведениях и может быть понятен не только жителям Брюсселя, но и жителям Валлонии. Если фламандских элементов очень много, то для носителя общефранцузской нормы понимать этот код становится весьма затруднительно, но и малое их количество вполне достаточно для ощущения местного колорита.

В брюссельском французском нередки такие лексемы, как *froucheler* 'жульничать, подтасовывать' от южнонидерландского *froechelen* (в общенидерландской норме *frutselen*, в валлонском французском *chipoter*); *avoir un boentje pour quelqu'un* 'быть влюбленным в кого-то' от южнонидерландского *een boontje voor iemand hebben* (в общенидерландской норме *een voorliefde voor iemand hebben*, в валлонском французском *être bleu de quelqu'un*). *Lami de Piet* 'друг Пита' скажут как *Piet son ami* (нидерландское *Piet zijn vriend*), а 'на два сантиметра короче' будет выражено как *deux centimètres trop court* (нидерландское *twee centimeter te kort*). Следы нидерландского вмешательства можно видеть также в таких словосочетаниях, как *bière au fût* 'разливное пиво' от *bier van het vat*; *jouer sur la rue* 'играть на улице' от *op straat spelen*; *sous toit* 'подведенный под крышу (дом)' от *onder dak* и т. п.

Разумеется, весьма справедливо предположить, что нидерландское влияние на брюссельский французский — это процесс языковой интерференции не только с южно-брабантским диалектом Брюсселя, но и с прочими диалектами Фландрии, привнесенными в столицу фламандцами и лимбургцами. Не следует забы-

вать и о воздействии на варианты французского языка Бельгии общенидерландской нормы, бельгийского нидерландского и промежуточного языка *tussentaal*.

Некоторые конструкции бельгийского французского, как брюссельского, так и валлонского, могут иметь свои истоки и в архаичных французских формах. Так, в бельгийском французском *cent et un*, *cent et deux* 'сто один, сто два' параллельно *honderd en een*, *honderd en twee* в бельгийском нидерландском. Эта конструкция встречалась прежде во французском языке. В современных нормах языков используются *cent deux* и *honderd twee*. Нередки английские заимствования, характерные только для Бельгии: например, от *drill* 'зубрить' в бельгийском французском образовалось *driller*, а в бельгийском нидерландском — *drillen* [Lebous, 2006].

В результате недавнего анализа телевизионных программ, а также видеороликов и текстов песен современных исполнителей в бельгийских вариантах французского языка удалось выявить, например, такие лексемы, как *nicnac* 'круглое печенье' — продукт известной немецкой фирмы; *kot/kotch* 'кладовка, комната в общежитии' — от общенидерландского *kot* с тем же значением; *pei* 'фигурка, образец' — от южнонидерландского *pei* 'папаша'; *gossete* 'сладкий пирожок из слоеного теста' (характерный продукт Валлонии); *sterk* 'классный, мощный' — тот же корень и значение в общенидерландском; *mariole* 'высочка, умник' — пересмысленное французское *mariole* 'клоун, паяц'. Довольно часто для обозначения работы используется малоупотребимое в общепольской норме *taf*, нередки конструкции с очевидной французской основой, но не характерные для общепольской нормы — *être déf* 'быть под кайфом, находиться в сильном наркотическом опьянении'; *nareux* 'брезгливый'; южнонидерландское *ket* заимствуется с тем же значением 'хулиган'; в значении 'легкомысленный' встретилось валлонское *macasse*.

Некоторые лексические единицы используются в средствах массовой информации, в том числе в электронных периодических изданиях, наиболее часто. Во многих публичных сферах можно обнаружить такие германо-романские включения, как *echt* 'истинный'; *echevin* 'заместитель мэра'; *drache* 'сильный дождь'; *bourgmestre* 'бургомистр, мэр'; *pistolet* 'сэндвич с сыром или мясом'; *couac* 'инцидент, конфуз'.

Весьма показательным является пример взаимовлияния нидерландского и французского языков в брюссельском примере *De motrice van de nonantdeujes gederailleit op den aiguillage van den avenulouees* 'Самоходный вагон трамвая № 92 снят с пути на стрелке на улице Луизы'. В общенидерландском варианте это выглядело бы следующим образом: *De motorwagen van tram 92 is ontspoord op de wissel aan de Louizalaan*.

В отличие от бельгийского нидерландского, сосуществующего с четырьмя группами фламандских диалектов, промежуточным языком *tussentaal* и общенидерландской нормой, бельгийский французский сосуществует преимущественно с общепольской нормой, все более поглощая вместе с ней автохтонные языки Валлонии: валлонский, пикардийский, шампанский и лоренский. Об-

суждаемое деление бельгийского французского на брюссельский и валлонский варианты носит скорее исторический характер. Это, однако, не умаляет важности и необходимости изучения все еще наличествующих в брюссельском французском нидерландоязычных элементов как ярких примеров языковой интерференции, приводящей к заимствованию лексических и грамматических структур.

Тем не менее брюссельский французский сохраняет особенности, весьма отличающие его от французского языка Валлонии. С одной стороны, переход на общефранцузскую норму стирает грани между двумя вариантами, с другой стороны, фламандская предыстория Брюссельского столичного региона внедряет во французский язык этого анклава множество нидерландских элементов. Кроме того, с ростом миграции в брюссельский французский проникают включения из языковых вариантов бывших французских и бельгийских колоний, а также из английского языка (напомним, что Брюссель является столицей Европейского союза) и в возрастающей степени из арабского. Однако окруженность Брюссельского столичного региона, официально двуязычного, фламандской территорией по-прежнему существенно влияет на брюссельский французский, «подпитывая» его как южнобрабантскими элементами, так и элементами других вариантов нидерландского языка, функционирующих в Бельгии.

Литература/References

- Droixhe D. Dialecte et français dans la Wallonie d'ancien régime. *Hommages à la Wallonie. Mélanges d'histoire, de littérature et de philologie wallonnes*. Bruxelles: Éd. de l'Univ. de Bruxelles, 1981, pp. 123–145.
- Lebouc G. *Dictionnaire de belgicisms*. Bruxelles: Éd. Racine, 2006.
- Lebouc G. *Les Zwanzeurs. Anthologie de l'humour bruxellois*. Bruxelles: Labor, 2000.
- D'Osta J. *Mémoires candides d'un Bruxellois ordinaire*. Bruxelles: Paul Legrain, 1984.
- Treffers-Daller J. *Mixing Two Languages: French-Dutch Contact in a Comparative Perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.

Сведения об авторе:

Ульяницкая Любовь Александровна

Кандидат филологических наук

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

Liubov A. Ulianitckaia

PhD in Philology

St. Petersburg Electrotechnical University

5, ul. Professora Popova, St. Petersburg, 197022, Russian Federation

E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru